
ИСТОРИЯ ИДЕЙ

УДК 130.2
DOI 10.31249/hoc/2020.01.06

Asoyan Yu.A. ©

АВЕРИНЦЕВ И ПРОЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье предлагается использовать общую «рамку» интеллектуальной истории в качестве достаточно значимого и релевантного дисциплинарного контекста в отношении ряда работ С. Аверинцева. Помещая наследие Аверинцева «в поле» интеллектуальной истории, автор статьи говорит о нем как историке интеллектуальной культуры Европы в ее «большом времени». Ключевыми теоретическими и культурно-историческими понятиями интеллектуально-исторической оптики Аверинцева являются понятия «рефлексивный традиционализм», «христианский аристотелизм», «риторика», «риторический тип рациональности».

Ключевые слова: интеллектуальная история; Аверинцев; история понятий; рефлексивный традиционализм.

Asoian Yu.A.
Averintsev and the project of intellectual history

Abstract. The article proposes to use the general «frame» of the intellectual history as a significant and relevant disciplinary context in relation to some texts of S. Averintsev. Placing the heritage of Averintsev «in the field» of intellectual history, the author speaks about him as a historian of

intellectual culture of Europe in its «Great time». The key theoretical and cultural-historical concepts of Averintsev's intellectual-historical optics are the concepts of «reflexive traditionalism», «Christian aristotelism», «rhetoric», «rhetorical type of rationality».

Keywords: intellectual history; Averintsev; reflexive traditionalism; history of concepts.

В этой статье мы предлагаем использовать «рамку» интеллектуальной истории (как области исследований и знания) в качестве достаточно значимого и релевантного дисциплинарного контекста ряда работ Аверинцева (о которых скажем чуть ниже). Иными словами, наследие Аверинцева (по крайней мере, довольно значительную его часть) мы помещаем «в поле» интеллектуальной истории (англ. *intellectual history*). В отношении к этой последней мы используем слово «проект», и значит, собираемся говорить об интеллектуальной истории как о чем-то целом, имеющем определенный и тяготеющий к завершенности, дисциплинарный формат. Этот формат мы намереваемся «примерить» в отношении к выделяемой нами группе текстов Аверинцева^{1*}, пересекающихся с сюжетами и темами интеллектуальной истории (притом что эти последние невероятно разнообразны и пестры).

Словосочетание «проект интеллектуальной истории» в соотнесении с историко-культурными исследовательскими текстами Сергея Аверинцева может вызвать резонное возражение: не собираемся ли мы говорить об *аверинцевском проекте интеллектуальной истории*, не находя у него, скажем прямо, самого термина *интеллектуальная история*? Ответить на это можно довольно просто и прямо: квалификация тех или иных исследовательских практик или оптик в качестве интеллектуально-исторических не определяется только использованием или неиспользованием в них самих (в их самоопределении и самоописании) термина «интеллектуальная история». Куда важнее содержательное совпадение, точки пересечения, сходство подходов. И потому вопрос о характеристике работ Аверинцева в этой части остается открытым.

Стоит заметить, что понятие «интеллектуальная история» стали употреблять еще в начале 1970-х годов [21]. По части концептуализации важная роль принадлежит Р. Шартье [см.: 20^{2*}], но также и ряду

американских исследователей, в числе которых Доминик Лакапра ([см.: 22]; в то время как в Европе общим обозначением интеллектуально-исторического направления еще оставалась более традиционная и старая «история идей», с которой во Франции конкурировала «история ментальностей» [об этом см.: 20, с. 25–35], в США более популярным стало тогда *intellectual history*). В 1980-е годы понятие интеллектуальной истории можно встретить в работах хорошо известного ныне в России Р. Дарнтона [10, с. 6^{3*}], мы находим его десятилетием ранее в трудах У. Джонстона [12, с. 10 и сл.] и К. Бrintона (последний посвятил свою работу – ни много ни мало – истории западного образа мысли [9]). Впрочем, словосочетание *интеллектуальная история* время от времени фигурировало и раньше условной границы 1970-х. Эпизодически (и без соответствующего методологического обоснования) его можно встретить в работах Э. Кассирера (в американский период жизни), в частности, в его исследованиях интеллектуальной культуры Ренессанса [14].

Важно, что уже в 1980-е понятие интеллектуальной истории стало применяться не только в США, и далеко за рамками совершенно условной «американской школы» интеллектуальной истории. Так, например, его используют по отношению к работам М. Фуко, который сам определял род своих занятий скорее как *археологию знания*, или как *генеалогию власти-знания, генеалогию понятий*, социальных и культурных практик^{4*}. С конца 1990-х интеллектуальная история активно утверждается в России^{5*}; в 2004-м, в специальном разделе 66 номера «Нового литературного обозрения», посвященного интеллектуальной истории, Александр Дмитриев характеризует ее в качестве «становящейся исследовательской индустрии» [11, с. 16], рассматривая, в том числе, и то, что делается в этом смысле в России. Проблематику новой интеллектуальной истории он, как и другие исследователи, находит в Кембриджской школе истории политической мысли А. Поккока, К. Скиннера, в микроистории К. Гинзбурга, работах (в том числе по истории чтения) Р. Шартье и еще многом другом, вполне состоявшемся, надо сказать, гораздо ранее 1990-х или тем более 2000-х годов [см.: 11; 6, с. 11–12].

Поскольку ряд авторов, чьи труды прямо относят к пространству «интеллектуальной истории», изначально не определяли свой подход как «интеллектуально-исторический» либо определяли его в качестве

такового лишь по прошествии времени, так сказать постфактум, так и мы можем не испытывать непреодолимых трудностей в использовании термина «интеллектуальная история» по отношению к тем исследователям культуры, которые по каким-то причинам не используют его сами, но чьи работы тем не менее оказываются значимы для *конституирования или переопределения* этого не только исследовательского, но также и образовательного пространства.

Возвращаясь к началу – определенное затруднение опять-таки создает слово «проект». Проект предполагает если не набросок плана, то некоторое устремленное в будущее перспективное видение, пусть еще не осуществленное в полной мере. Своего рода техническое задание на разработку какой-то конструкции, неважно, идет ли речь о конструировании городских пространств или о конструкции знания. И в этом смысле стоило бы соотнести с нашим сегодняшним представлением об «интеллектуальной истории» уникальное в своем роде *антиковедение* С. Аверинцева. Ведь оно особым образом проблематизирует поле европейской интеллектуальной традиции, используя при этом целый ряд собственных теоретических и культурно-исторических понятий (таких как рефлексивный традиционализм, христианский аристотелизм и др.) И представляется, что эта проблематизация (хотя она и не оказалась «широко востребованной») не утратила актуальность за прошедшие с ухода Аверинцева годы. Во всяком случае, ее образовательная значимость колоссальна.

Еще одна важная для нас оговорка, без которой никак нельзя обойтись: мы знаем Сергея Сергеевича Аверинцева как библеиста, литературоведа и переводчика, как классического филолога, историка и философа культуры, как культуролога, наконец. Причем последнее – речь сейчас о культурологии – не в снисходительно-пренебрежительном, а в исключительно позитивном смысле, которое это слово имело, пожалуй, только в довольно короткую пору 1980-х годов – в то время, заметим в скобках, когда список литературы почти каждой выходившей тогда книжки гуманитария открывала ссылка на «Поэтику ранневизантийской литературы» С. Аверинцева.

Ну так все-таки – нужно ли добавлять ко всем этим многим, значимым и как бы уже утвержденным характеристикам еще одну, быть может, сомнительную – вводить в качестве призмы, через которую мы могли бы также взглянуть на наследие Аверинцева – призму интел-

лектуальной истории? Как сам Аверинцев отнесся бы к этому, ведь он был довольно недоверчив в отношении к модным терминам, а «интеллектуальная история» еще и сегодня не лишена некоего флеря «модного термина». Иными словами, какая на то необходимость, чтобы помещать труды Аверинцева в рамку «интеллектуальной истории»? Неужели антиковедению Аверинцева не хватает места в классической филологии или истории культуры? Зачем или кому нужна эта дополнительная опция?

Нужно сказать, что нас заботит не столько задача более полного раскрытия, или, скажем почти канцеляризом, «выявление того потенциала, который содержит в себе наследие Сергея Аверинцева». Скорее речь может идти о ситуации, в которой оказывается сама интеллектуальная история, не будь в нее помещены некоторые значимые труды Аверинцева. Говоря об этих трудах, мы, прежде всего, имеем в виду два достаточно известных сборника его работ – «Риторика и истоки европейской литературной традиции» и еще один сборник, изданный в «Азбуке», – «Образ античности». Именно эти сборники текстов С.С. Аверинцева мы собираемся обсуждать в привязке к «проекту» интеллектуальной истории.

Вольно или невольно, но конструкция интеллектуальной истории складывается не только в академической саморефлексии профессионального сообщества. В конституировании этого пространства неоценимая по значимости роль принадлежит издательским проектам и практикам. Думается, многие из тех, для кого тем или иным образом интересна «интеллектуальная история», разделят с нами чувство благодарности, по отношению к издательству «Новое литературное обозрение», которое более 15 лет назад организовало издательскую серию «Интеллектуальная история» («ИИ») – и продолжает пополнять эту серию всеми и новыми переводными изданиями.

Не будь этого и нескольких других издательств – интеллектуально-исторический, да и просто образовательный ландшафт современной России был бы куда менее насыщенным, содержательным и разнообразным. Но вместе с тем возникает гипотетический вопрос: а что если бы «Новое литературное обозрение» уделило хотя бы только один том своей серии, посвященной интеллектуальной истории, работам Сергея Аверинцева, поместив в эту серийную рамку некоторую подборку его текстов? Возможно, в этом случае и для ведущих курс

интеллектуальной истории преподавателей, и для студентов, изучающих соответствующий университетский курс, образ интеллектуальной истории – здесь, в России, – был бы несколько иным.

Вероятно, он был бы иначе масштабированным, и может быть даже более нацеленным на темы самого Сергея Аверинцева, – на то, например, что связано у него с осмыслением генеалогии и судеб антично-средневековой рациональности. Скажем прямо: без замечательной книги Аверинцева «Риторика и истоки европейской литературной традиции» в какой-то момент нам, очень вероятно, станет тесно в «кабинетах» микромасштабированной (в том смысле, что она сознательно избегает постановки слишком крупных и общих историко-культурных вопросов) современной «интеллектуальной истории», и это притом что ее «здание» включает в себя на сегодняшний день множество разнообразных пространств – «помещений», «камер» и «комнат»^{6*}.

Современная интеллектуальная история – это очень разнообразная исследовательская территория, она включает в себя и историю интеллектуалов, и историю интеллектуальных языков, историю идей и историю понятий, она включает такие разные предметы как история чтения, проектов и практик образования, научной, общественной и политической мысли, литературы, и притом в их наиболее плотном переплетении, «сцепке». Этому пространству принадлежит, по крайней мере отчасти, и очень интересная своими подходами историческая социология знания. Кроме того, это одно из относительно новых отчетливо междисциплинарных пространств гуманитарных наук. Характерно, что в нем работают не только и не столько историки, но и литературоведы, философы, культурологи.

Культурно-историческая оптика работ Сергея Аверинцева (из названных выше сборников) – его взгляд и понимание судеб европейской антично-средневековой рациональности – создает важную «точку опоры» для рассмотрения европейской интеллектуальной истории, и она, вероятно, останется значимой и для тех, кто решится выстраивать траекторию европейской интеллектуальной истории и культуры совсем иначе, чем это делал Аверинцев^{7*}.

Ключевое понятие интеллектуальной истории – понятие знания, ее предмет – способы и ситуации производства, трансляции и потребления знания в конкретных культурных контекстах и средах. Исследования Аверинцева, связанные с описанием исторических типов евро-

пейской рациональности, – это работы, либо прямо «попадающие» в пространство интеллектуальной истории, либо работы, закладывающие фундамент ее интересной фигурации. Они выразительно, не только концептуально емко, но и детально тонко, осуществляют разметку поля европейской интеллектуальной традиции. Важно и ценно, что у Аверинцева присутствует масштабное видение того, как устроено здание антично-средневекового типа европейской рациональности, а вместе с тем эта масштабность сочетается со множеством тонких и как бы частных наблюдений, нацеленных на уяснение того, как общий принцип устройства этого мышления реализуется в каждом конкретном случае.

Одно из базовых методологических положений интеллектуальной истории состоит в рассмотрении текстов интеллектуальной культуры в привязке к их непосредственному, ближайшему, смыслопорождающему социальному, языковому и культурному контексту. *Контекстуальный подход*, как справедливо заметила Л.П. Репина, идет тут на смену *каузальной логике* «традиционной истории» [18, с. 6], которая, кстати, в форме филиации идей длительное время преобладала и в «истории идей» тоже. И у Аверинцева есть, по меньшей мере, одна работа, которую самый педантичный интеллектуальный историк мог бы смело записать в пространство своей дисциплины. Речь сейчас о статье «Образ античности в западноевропейской культуре XX века» [см.: 4]. В ней автор прослеживает, как менялся – мрачнел и архаизировался – образ античности в европейском самосознании XX в. Как изменялся он не только в трудах исследователей Античности, но и в восприятии более широкого круга европейских интеллектуалов. Как это восприятие было обрамлено новыми социальными и политическими импликациями.

Трудно удержаться, чтобы не отметить, что это не только фундаментальная, но и по-прежнему очень современная работа, вероятно, требующая продолжения, возможно – применительно к другим социальным и культурным контекстам. Ведь скажем, было бы крайне любопытно досконально проследить, как менялся и менялся ли, если не от года к году, то от десятилетия к десятилетию, образ Античности в советское время – после тех головокружительных взлетов русского филэллинства, которые можно встретить в России начала XX в. К сожалению «Русская античность» Г.С. Кнабе [9], несмотря на все ее дос-

тоинства, не отвечает на поставленные вопросы и в основном обращена к другим историческим периодам и сюжетам «русской антики».

Эта работа – речь опять об «Образе античности в западноевропейской культуре XX века» – перекликается с первой главой большой книги Алексея Федоровича Лосева «Очерки античного символизма и мифологии». Но если Лосев в этой главе представил *ретроспективу концепций античности* от Винкельмана и Лессинга через немецкий идеализм до Шпенглера и Флоренского (включая и свою концепцию тоже [см.: 16, с. 6–67]), то Сергей Аверинцев (и он сам так определяет тему своей статьи) говорит не столько о концепциях Античности, сколько о «вениях» и «векторах» в изменяющемся ее восприятии от XIX в. к веку XX. «Тема этой статьи, – пишет Сергей Аверинцев, – не наука “как таковая”, а вения вокруг науки, вовсе не так однозначно связанные с тем, что творится в науке, но в каждый реальный момент служащие проводником воздействий “профанов” на науку и науки на “профанов”» [4, с. 194].

Интеллектуальная история выводит на первый план тему ближайших интеллектуальных, социальных, образовательных и языковых контекстов, в которых становится возможным производство того или иного типа высказываний, значений, знания. Но у Аверинцева, вслед за Бахтиным, мы находим и нечто иное: наряду с близкими и непосредственными контекстами, в которых функционирует знание, существуют контексты весьма удаленные во времени, и тем не менее действенные (некое подобие дальних взаимодействий в физике). Это очень значимая и важная для отстаивания позиция. Аверинцеву удается показать, как весьма удаленные контексты продолжают действовать и работать – по крайней мере, в рамках европейской культуры «большой длительности», которая названа то культурой готового слова (вслед за А.В. Михайловым), то риторической культурой, то рефлексивным традиционализмом.

Возьмем в качестве примера статью Сергея Аверинцева о двух рождениях европейского рационализма [см.: 3]. В ней автор сопоставляет огромное по своим последствиям и значимости европейское Проповедование с так называемым «греческим Просвещением» – софистическим «просвещением» V в. до н.э. И находит много интересных и значимых перекличек между двумя этими эпохами, разделенными – вдумаемся в этот масштаб – более чем двумя тысячелетиями трансфор-

маций. Энциклопедический проект просветителей на фоне греческого софистического просвещения V в. до н.э. вдруг обнаруживает новые обертоны, краски, преемственности и разрывы.

В этой статье Аверинцев обращается к трансформации понятия «энциклопедия», восходящего к софистической программе ἐγκύκλιος παιδεία. Вообще генеалогия понятий – это, пожалуй, одна из тех областей, которая более всего сближает подход Аверинцева с подходами интеллектуальной истории (или, по крайней мере, с подходами «истории понятий» как субдисциплины интеллектуальной истории). Тексты Аверинцева, в которых мы встречаем обращение к генеалогии понятий, весьма многочисленны, регулярное обращение к культурно-исторической семантике фундаментальных интеллектуалистских понятий отличает и «Поэтику ранневизантийской литературы»^{8*} (мир, школа, знание), и известную «Греческую литературу и ближневосточную словесность». Тем не менее статья «Греческая философия как явление историко-филологического ряда» выделяется даже на этом фоне, поскольку Аверинцев непосредственно обращается здесь к тому, как создается понятийный инструментарий философского мышления.

Аверинцева интересует «как работает ум эллинского философа» [5, с. 118] – в поле обыденного языка и в смыслопроизводстве философских понятий. «Терминологичность классических греческих текстов – качественно иная, – пишет Аверинцев, – [она] “наощупь”, по “тембру” иная, нежели терминологичность позднеантичных доксографов, не говоря уже о позднеантичных схоластах или философах Нового времени. Это терминологичность *in statu nascendi*, когда каждое слово чуть ли не на глазах у читателя выхватывается для терминологического употребления из родной стихии быта и еще трепещет, как только что выловленная рыба» [5, с. 112]. Что говорить о «досократиках», когда еще у Платона слово «расковано и разбужено, даже раздразнено, без прямой нужды подвижно» [5, с. 124]. Аверинцев говорит об изучении *поэтики* античного философствования: «здесь еще возможны новые пути, ибо весьма важные наблюдения ряда зарубежных исследователей над конструктивной ролью метафоры в работе ранней философской мысли все же шли скорее от “Ideeengeschichte”, от “begriffsgeschichte” и должны быть дополнены наблюдениями “с другого конца” (литературоведческого)» [5, с. 124–125].

Как уже отмечалось, мы, пожалуй, не встретим у Аверинцева понятие интеллектуальной истории, по крайней мере как технический термин. Мы не часто встретим у него и понятие интеллектуальной культуры, зато он нередко говорит о «литературной культуре», «риторической культуре», и просто о «риторике – как подходе к обобщению действительности», о «риторической рациональности» и соответствующей риторической парадигме или модели знания, с ее тягой к общим местам и в ее отношениях с философией, как тяготеющей к у становлению общих понятий. В этом нетрудно усмотреть литературоведческую генеалогию его оптики. И тем не менее почти в каждой из работ, входящих в упомянутые выше два сборника его статей, за кадром стоит – скорее как умалчиваемое, но от этого не менее важное – понятие умственной культуры (Европы), анализируемой в тот большой и по сию пору значимый период ее истории, которому С. Аверинцев дал название *рефлексивного традиционализма*.

Сейчас у нас нет возможности шаг за шагом, от статьи к статье проследить концептуальное наполнение этого термина – «рефлексивный традиционализм». Оставим эту задачу до следующего случая. Но все-таки обойтись совсем без примера и текста Аверинцева невозможно. И потому возьмем фрагмент текста, быть может, и не самого яркого, по крайней мере не так часто цитируемого. Речь идет о работе «Древнегреческая поэтика и мировая литература». Это вступительная статья сборника «Поэтика и мировая литература», вышедшего в ИМЛИ под редакцией Аверинцева в 1981 г. В ее заключительной части есть интересное место, в котором Аверинцев помещает свое рассуждение о значимости рефлексивного традиционализма в интеллектуальной культуре Европы в контекст известной статьи М. Бахтина об эпосе и романе.

В «Эпосе и романе», напомним, Бахтин предложил выделить «романное» и «эпическое» как два разных сознания, два типа обращения с прошлым, два способа конституирования человека. Аверинцев пишет, что Бахтин рассматривал роман как «ведущий жанр литературы, порвавшей с традиционализмом и вышедшей на новые пути, *на фоне эпоса*» [2, с. 106; курсив наш. – Ю. А.]. «Но какой это эпос – “первичный” или “вторичный”, гомеровский или вергилиевский? – задает вопрос Аверинцев. – Судя по всему, первый и только первый. Слова “эпическое прошлое... замкнуто в себе и ограничено непроницаемой

преградой от последующих времен” решительно неприложимы к “Энеиде”, вобравшей в себя все историческое время города Рима до Августа включительно. Утверждение об “абсолютном” равенстве себе эпического героя также характеризует Ахилла, а не Энея» [2, с. 106].

Итак, здесь «в грандиозной исторической панораме друг другу противостоят лишь два полюса – традиционализм, еще не знающий рефлексии, и рефлексия, уже порвавшая с традиционализмом. Утрачено третье звено – долговечное равновесие рефлексии и традиционализма. Это никак не укор общему учителю целых поколений отечественных литературоведов, – продолжал Аверинцев. – Ему для его целей... нужна была четкость дихотомической антитезы. Но мы не можем останавливаться на этом приближении. По мере наших сил подготавливать заполнение лакуны, ставить вопрос о методологии подхода к промежуточной области рефлексивного традиционализма – лучший способ ответить на его плодотворную инициативу» [2, с. 106].

К этой теме Аверинцев возвращается в других статьях и выступлениях: «Современное сознание, – пишет он, – находится во власти дихотомии “миф – научность”. Бездна архаики по одну сторону – футурологическая бездна по другую; в завороженности этими безднами легко потерять срединное пространство истории, уже цивилизованной, уже отнюдь не архаичной, но своим традиционализмом отделенной от современности... Но именно это срединное пространство со своими законами [и можно было бы добавить – с выработанными процедурами мышления и интеллектуальной культуры. – Ю. А.] – составляет предмет исторического знания» [1, с. 85].

По Аверинцеву, «путь человечества делится не на два – там архаика под властью мифа, здесь современность под знаком науки, – а, по крайней мере, на три /периода/: между традиционализмом, не знающим рефлексии, и рефлексией, порвавшей с традиционализмом, лежит синтез обоих начал, который едва ли смог бы просуществовать более двух тысячелетий, будь он основан на простом компромиссе» [1, с. 85–86]. Аверинцева как раз и интересует устройство «срединной зоны» аристотелевского рационализма в мышлении и творчестве, ее место и значение в общей европейской рациональности и интеллектуальной и литературной культуре.

Рационализм, созданный греками, подчеркивает он в статье «Античная риторика и судьбы античного рационализма», – это «в своей

существеннейшей характеристике рационализм *дедуктивный*. «Знание о конкретном выводится из знания об общем как вторичный дериват последнего. Поэтому формы знания, которым античность дала их классическую, в определенном смысле непревзойденную проработку, – это аристотелевская логика силлогизма, это евклидова геометрия, выводящая теоремы из аксиом и постулатов, а решения конкретных задач – из теорем; это римское право, где частные определения дедуцируются из общих законоположений. По образу и подобию права этот рационализм строит определенный тип систематической этики “казусов”; [он]… получил наименование *казуистики*» [1, с. 87].

Нас не должно удивлять, пишет Сергей Аверинцев, что слово «казуистика» разделило печальную судьбу терминов, «так или иначе связанных с практикой дедуктивного рационализма», и стало таким же бранным, как *метафизика* и *софистика*, *риторика* и *схоластика*. «Но именно казуистика наиболее полно отвечает феноменам метафизики и риторики на уровне прикладного руководства человеческим поведением. За ней стоит уверенность в том, что предельно абстрактные истины даны человеческому рассудку совершенно ясными, и задача лишь в том, чтобы разобраться, какой именно общий принцип приложим в данном конкретном случае» [1, с. 87].

Может показаться, что Аверинцев ставит слишком большие и емкие для возможностей интеллектуальной истории вопросы. И по постановке самих этих вопросов – он уж скорее мыслитель, философ (даже если это философия исторически конкретной – европейской – культуры)! Не станем спорить с этой характеристикой; можем лишь напомнить, что во второй половине 1980-х годов на Центральном телевидении некоторое время регулярно выходила передача «Философские беседы». Наверняка ее материалы сохранились в телевизионных архивах. Ведущим этой передачи был писатель Сергей Залыгин, а регулярными участниками этих философских бесед выступали Мераб Мамардашвили, Пиама Гайденко и Сергей Аверинцев.

Не знаю относительно всех или даже многих, и потому могу сказать здесь только о себе: я ждал этих бесед с постоянным участием Сергея Сергеевича, так же, как ждали очень многие тогда очередной трансляции со Съезда совета депутатов, где Аверинцев тоже был – но только уже как один из «народных избранников» (в тот момент это словосочетание вдруг потеряло почти постоянно сопровождающее его

ироническое звучание и воспринималось буквально и серьезно). Те времена давно канули в Лету, но, возвращаясь к постановке Аверинцевым значительных и очень масштабных вопросов о судьбах европейской да и русской культуры – чего стоит хотя бы его статья о христианском аристотелизме как внутренней форме европейской культуры, – надо сказать, что вопросы Аверинцев ставил крупные, большие, философские. Но отвечал он на них скорее как всеведущий историк культуры, как редкий знаток «умственной культуры» Европы в ее большом времени, как интеллектуальный историк совершенно особого дарования и масштаба.

Примечания

1* Намереваясь «примерить» дисциплинарный формат интеллектуальной истории к наследию С.С. Аверинцева, мы, разумеется, понимаем, что Аверинцев неизменно объемнее любой такой «дисциплинарной рамки». В связи с этим хочется привести место из воспоминаний об Аверинцеве В. Бибихина. Оно касается выступления С.С. Аверинцева на собрании по случаю смерти Бахтина, где уже сам Аверинцев говорил о невозможности измерить наследие Бахтина категориями научных нововведений: «Могу представить себе фигуру эмблематического злодея, – говорил тогда Аверинцев, – который спрашивает: «Что нового внес Михаил Михайлович в науку?» Я рад, что Вячеслав Всеволодович [Иванов. – Ю. А.] взял на себя рыцарскую роль отвечать этому злодею. Карнавал, диалог, смеховая культура... Я уважаю людей, которые ведут разговор в этой плоскости науки. Но, двухмерная, она не вмещает трехмерной реальности Михаила Михайловича. Я не смог бы разговаривать с этим злодеем, я послал бы его подальше... Ну, куда... в эту двухмерную плоскость...» [16, с. 312].

2* Статья Р. Шартье «Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка?» первоначально была представлена в качестве доклада в 1980 г. – на коллоквиуме, посвященном «проблемам интеллектуальной истории» в Корнелльском университете. Доклад был опубликован на английском языке под названием «Intellectual history or sociocultural history? French Trajectories» [20, с. 17].

3* В Предисловии к книге «Кошачье побоище» (впервые опубликованной в 1984 г.) Р. Дарnton, впрочем, понимает «интеллектуальную историю» как «историю идей», этому проекту он противопоставляет «культурную» или «этнографическую» историю, которую сближает с «историей ментальностей».

4* Не используя термин «интеллектуальная история», Фуко использует такие понятия, как «история /систем/ мысли», «истории идей», «история понятий», «дискурсивная история» и «история дискурса» [напр., см.: 19, с. 37, 56 и сл.].

5* В 1998 г. организован Центр интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, в 1999 г. начал издаваться журнала «Диалог со временем» – альманах интеллектуальной истории. Центр и журнал (руководимые проф. Л.П. Репиной и

проф. В.И. Уколовой) сыграли значимую роль в утверждении интеллектуальной истории в России [см.: 17].

6* «В 2013 году группа датских историков, издающих серию “5 Questions”, выпустили специальный номер, посвященный “intellectual history” и состоящий из ответов, данных ведущими представителями этой научной области (в том числе Скиннером, Пококом, Карло Гинзбургом, Шартье и др.) на пять вопросов о предмете. В предваряющей выпуск заметке авторы сформулировали такое определение “интеллектуальной истории”. “Мы понимаем интеллектуальную историю в самом широком смысле. Она включает в себя историю идей, историю понятий, генеалогию, историю чтения, Кембриджскую школу и другие традиции, анализирующие структуры идей в их историческом контексте”» [6, с. 11–12].

7* С.Н. Зенкин, размыщляя в одной из своих статей о проекте интеллектуальной истории, заметил, что «старой» интеллектуальной истории, которая бытowała скорее под названием «истории идей», – плохо даются темы современности [13, с. 96]. В этом смысле он, как и Р. Шартье [см.: 20] проводит важное разграничение между старой историей идей и новой интеллектуальной историей. Истории идей лучше давались изолированные, атомарные идеи, и такое по преимуществу «изолированное» существование отдельных идей перестало быть не только актуальным, но и возможным в эпоху «современности». В этом смысле непреодолимым рубиконом старой «истории идей» оказывается пусть и очень условная – граница современности, которая где-то может быть отодвинута на рубеж начала XIX в., но видимо не многим далее. А вот новая интеллектуальная история лучше справляется с современным материалом, где «идеи» переплетены в сложные «идейные комплексы», и «идеологии», которые всегда «кому-то принадлежат», и значит, любая «история идей» может выступать только как социальная история «носителей» этих идей, и отнюдь не история «чистых идей» как таковых [13, с. 97, 98 и сл.]. При совмещении подходов С. Зенкина и Р. Шартье вырисовывается довольно любопытная, хотя и отличающаяся некоторым (скорее даже полезным) доктринерством схема. Для работы с античным «миром идей и образов» – может быть уместна традиционная «история идей», когда речь заходит о средневековых «представлениях» – более релевантна «история ментальностей», но уж для разбора хитроумно переплетенных и связанных в идеологические комплексы более или менее современных систем представлений потребна «интеллектуальная история». Антично-средневековый и даже ранне-новоевропейский материал тут как бы заведомо выводится из пространства новой интеллектуальной истории, которую С.Н. Зенкин в конце своей статьи предпочитает называть «культурной историей» [13, с. 103]. Отсюда вытекает, что если Аверинцев преимущественно работает с «досовременным материалом», он скорее оказывается вне пространства новой «интеллектуальной истории», хотя быть может и в пространстве «истории идей», с которой интеллектуальная история связана определенной идиосинкразией – внешние сходства при глубинных и фундаментальных различиях. При всей продуктивности предложенной схемы, нетрудно показать, что новая интеллектуальная история активно вторгается в пространство изучения старых исторических культур знания.

8* См.: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Coda, 1997. – 343 с. (переводилась на сербско-хорватский и итальянский языки, была защищена в качестве докторской диссертации в 1977 г.).

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Античная риторика и судьбы античного рационализма // *Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции.* – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 79–98.
2. *Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции.* – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 99–106.
3. *Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции.* – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 233–245.
4. *Аверинцев С.С. Образ античности в западноевропейской культуре XX века // Аверинцев С.С. Образ античности.* – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 165–201.
5. *Аверинцев С.С. Греческая философия как явление историко-литературного ряда // Аверинцев С.С. Образ античности.* – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 106–149.
6. *Атнашев Т., Велижев М.* Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 7–52.
7. *Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Эпос и роман.* – СПб.: Азбука, 2000. – С. 194–232.
8. *Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев.* – М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006. – 416 с.
9. *Брингтон К.* Истоки западного образа мысли. – М.: Московская школа политических исследований, 2003. – 430 с.
10. *Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 384 с.
11. *Дмитриев А.* Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. – М., 2004. – № 66. – С. 6–16.
12. *Джонстон У.* Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 640 с.
13. *Зенкин С.Н.* Современность как «безыдейная» эпоха // *Зенкин С.Н. Работы о теории.* – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 96–103.
14. *Кассирер Э.* Место Фичино в интеллектуальной истории // *Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос.* – М.: Университетская книга, 2000. – С. 207–227.
15. *Кнабе Г.С.* Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 238 с.
16. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 962 с.
17. *Репина Л.П.* Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / под. ред. Л.П. Репиной и В.И. Укововой. – М.: ИВИ РАН, 1999. – № 1. – С. 5–12.

18. Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / под. ред. Л.П. Репиной и В.И. Уколовой. – М.: ИВИ РАН, 2008. – № 25, ч. 1. – С. 5–11.
19. Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»: Университетская книга, 2004. – 416 с.
20. Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. – М., 2004. – № 66. – С. 17–47.
21. Gilbert F. Intellectual History: Its Aims and Methods // *Deadalus*. – 1971. – N 100. – P. 85–97.
22. LaCapra D. Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language. – Ithaca: Cornell University Press, 1983. – 352 p.

References

1. Averincev S.S. Antichnaya ritorika i sud'by antichnogo racionalizma // Averincev S.S. Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. – M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. – S. 79–98.
2. Averincev S.S. Drevnegrecheskaya poetika i mirovaya literatura // Averincev S.S. Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. – M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. – S. 99–106.
3. Averincev S.S. Dva rozhdeniya evropejskogo racionalizma // Averincev S.S. Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. – M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. – S. 233–245.
4. Averincev S.S. Obraz antichnosti v zapadnoevropejskoj kul'ture XX veka // Averincev S.S. Obraz antichnosti. – SPb.: Azbuka-klassika, 2004. – S. 165–201.
5. Averincev S.S. Grecheskaya filosofiya kak yavlenie istoriko-literaturnogo ryada // Averincev S.S. Obraz antichnosti. – SPb.: Azbuka-klassika, 2004. – S. 106–149.
6. Atnashev T., Velizhev M. Kembridzhskaya shkola: istoriya i metod // Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. – S. 7–52.
7. Bahtin M.M. Epos i roman (o metodologii issledovaniya romana) // Bahtin M.M. Epos i roman. – SPb.: «Azbuka», 2000. – S. 194–232.
8. Bibihin V.V. Aleksej Fedorovich Losev. Sergej Sergeevich Averincev. – M.: Institut filosofii, teologii i istorii Sv. Fomы, 2006. – 416 s.
9. Brinton K. Istoki zapadnogo obrazza myсли. – M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij, 2003. – 430 s.
10. Darnton R. Velikoe koshach'e poboishche i drugie epizody iz istorii francuzskoj kul'tury. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 384 s.
11. Dmitriev A. Kontekst i metod (predvaritel'nye soobrazheniya ob odnoj stanovyshechjsya issledovatel'skoj industriji) // Novoe literaturnoe obozrenie. – M., 2004. – № 66. – S. 6–16.
12. Dzhonston U. Avstrijskij Renessans. Intellektual'naya i social'naya istoriya Avstro-Vengrii 1848–1938 gg. – M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij, 2004. – 640 s.

13. *Zenkin S.N. Sovremennost' kak «bezydejnaya» epoha* // Zenkin S.N. Raboty o teorii. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – S. 96–103.
14. *Kassirer E. Mesto Fichino v intellektual'noj istorii* // Kassirer E. Izbrannoe: Individ i kosmos. – M.: Universitetskaya kniga, 2000. – S. 207–227.
15. *Knabe G.S. Russkaya antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii* – M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2000. – 238 s.
16. *Losev A.F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii*. – M.: Mysl', 1993. – 962 s.
17. *Repina L.P. Chto takoe intellektual'naya istoriya?* // Dialog so vremenem. Pod. Red. L.P. Repinoj i V.I. Ukolovoj. Al'manah intellektual'noj istorii. –1/99. – M.: IVI RAN, 1999. – S. 5–12.
18. *Repina L.P. Konteksty intellektual'noj istorii* // Dialog so vremenem. Pod. Red. L.P. Repinoj i V.I. Ukolovoj. Al'manah intellektual'noj istorii. № 25. Chast' 1. – M.: IVI RAN, 2008. – S. 5–11.
19. *Fuko M. Arheologiya znaniya*. – SPb.: IC «Gumanitarnaya akademiya», Universitetskaya kniga, 2004. – 416 s.
20. *Shart'e R. Intellektual'naya istoriya i istoriya mental'nostej: dvojnaya pereocenka?* // Novoe literaturnoe obozrenie. – M., 2004. – № 66. – S. 17–47.
21. *Gilbert F. Intellectual History: Its Aims and Methods* // Deadalus 1971. N 100. – P. 85–97.
22. *La Capra D. Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language*. – Ithaca: Cornell University Press, 1983. – 350 p.